

Н. В. Латова, Ю. В. Латов

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЛОЩАДКИ РОССИИ — «ХОРОШИЕ И РАЗНЫЕ» (Часть вторая)

(СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ)

DOI: 10.19181/snsp.2016.4.2.4268

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 13-03-00015а «Непрерывное образование и трансфер наукоёмких технологий: модели взаимодействия учреждений образования и науки с предприятиями реального и финансового секторов»

Латова Наталия Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: myshona@rambler.ru

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5;

профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125993, Россия, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49

E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. Данная статья завершает начатый авторами в предыдущем номере анализ развития российских инновационных площадок (прежде всего, технопарков), которые, как ожидается, станут «точками роста», способными дать решающий импульс всей национальной экономике по аналогии со знаменитой Кремниевой долиной в США. Рассматривая роль четырёх основных акторов российской инноватики (бизнеса, государственной администрации, науки и вузов), авторы приходят к выводу, что этот «квартет» пока остаётся неслаженным: каждый актор имеет свои интересы, которые не всегда и «не совсем» связаны со стимулированием технологической инноватики. Ярким выражением противоречивости российской технологической политики стал раздел «Наука, технологии и образование» в принятой в декабре 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: с одной стороны, в ней справедливо подчёркивается необходимость развития «национальной инновационной системы»; с другой стороны — изложен не вполне корректный подход к факторам, негативно влияющим на национальную технологическую безопасность.

Настоящий материал опубликован ранее в сборнике: Грани российского образования. М.: Центр социологических исследований, 2015. С. 421—454.

Ключевые слова: социология инноваций, технологические инновации, инновационные площадки, технопарки, национальная экономическая безопасность, национальная технологическая безопасность.

Каждая страна современного мира хочет изменяться, не изменяя себе, т. е. искать и находить оптимальное сочетание инновационности и традиционности. Удаётся это, однако, далеко не всем. Противоречия дилеммы «традиционность — инновационность» особенно ярко видны по тому, как страны догоняющего раз-

вития относятся к технологическим инновациям, генерированием которых до сих пор занимаются главным образом страны западноевропейской цивилизации.

Политические лидеры стран догоняющего развития, как общее правило, хотят заимствовать в «европах» передовую технику, сохраняя старые «родные» институты («правила игры»). Многие из этих лидеров могли бы повторить слова, приписываемые нашему Петру Великому: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Однако с течением времени всегда обнаруживалось, что решительно не получается покупать у Европы новейшие технологии и таким образом догонять её: с одной стороны, в развитых странах никто не горит желанием продавать «первородство»; кроме того, купленные (или похищенные) технологии надо уметь осваивать. Попытки же наладить собственный поток *технологических* инноваций дают – без потока *институциональных* инноваций – лишь весьма ограниченный (анклавный) результат. В итоге проблема ликвидации отставания в технологическом развитии приобретает в странах догоняющего развития форму едва ли не квадратуры круга: чтобы повысить национальную конкурентоспособность, правительство требует системных технологических инноваций, но они невозможны без столь же системных институциональных инноваций, которые, однако, плохо осознаются и тяжело воспринимаются как политической элитой, так и обычными гражданами.

Развитие российских инновационных площадок, о которых шла речь в предыдущей статье, ярко показывает это противоречие между желанием развивать «производительные силы» и настороженным отношением к развитию «производственных отношений». Рассмотрим в этой связи поведение основных социальных акторов, участвующих в формировании и развитии отечественных технопарков.

Неслаженный «квартет» акторов программ формирования инновационных площадок

«Полноценный технопарк возникает, когда начинают работать все элементы тройной спирали: государство, наука и образование, бизнес», – пишут Н. Н. Молчанов и А. Н. Молчанов [Молчанов, Молчанов, 2014: 43]. Наш подход к пониманию условий формирования «полноценных технопарков» несколько иной: в структуре технауки не обязательно присутствие государства (Кремниевая долина развивается в общем-то без его прямого участия), зато принципиально важно, чтобы

бизнес был представлен как производителями, так и финансистами; кроме того, науку и образование лучше рассматривать как самостоятельных (хотя и стремящихся к слиянию) субъектов. В то же время можно согласиться, что в конкретных условиях современной России финансовый сектор пока особой самостоятельной роли не играет, а государство является более чем активным актором.

Таким образом, вырисовывается своеобразный «квартет» (вузы — госадминистрация — наука — бизнес-производители), результаты деятельности которого во многом напоминают, к сожалению, работу квартета из известной басни («проказница мартышка, осёл, козёл да косолапый мишка...»). Чтобы объяснить, почему дело инноватики в России «на лад нейдёт», рассмотрим по отдельности мотивы (не)инновационного поведения каждого из участников отечественного «квартета».

Проблемы бизнеса

В исследовании, которое проводилось в 2013 г. по заказу «РБК», во время глубинных интервью с участниками «технопаркового движения» один из респондентов очень точно и лаконично сформулировал, какова краеугольная проблема отечественной инноватики: «Проблема для нас одна, но она глобальная — отсутствие спроса на инновационную продукцию. Не получается сформировать систему получения заказа на инновации» [Проблемы и решения..., 2014: 6].

Действительно, уже стало едва ли не общим правилом утверждение, что одним из главных провалов экономики России из века в век являются неудачи в формировании экономики инноваций: государство по самой своей природе недостаточно эффективно в генерировании производственных инноваций, а отечественный частный бизнес упорно не желает их разрабатывать и внедрять [Грэхэм, 2014]. Даже в 2000—2010-е годы большая часть исследований и разработок в предпринимательском секторе осуществлялась за счёт средств государственного бюджета, и проект технопарка Сколково, инициированный в 2010 г., — лишь частное проявление общей тенденции. «Паразитизм частного сектора на ресурсах госсектора» [Гохберг, 2003: 28] разительно контрастирует не только с американской Силиконовой долиной, но даже с индийским Бангалором, где доминирующую роль играет всё же частное предпринимательство, а государство помогает ему, но отнюдь не стремится его заменить.

Справедливости ради необходимо признать, что в России уже есть представители бизнеса, которые не просто демонстрируют интерес к инноватике, но и становятся инициаторами формирования инновационных площадок. В базе IASP самыми старыми технопарками, инициированными российским бизнесом, являются основанные в 2004 г. татарстанская «Идея-Юго-Восток» и ростовский «ИнТех-Дон». К сожалению, за прошедшие более чем 10 лет они не продемонстрировали каких-либо выдающихся успехов. Возможно, прошло ещё слишком мало времени для демонстрации ярких успехов — в конце концов, зарубежные

«кремниевые долины» (американская, индийская и т. д.) становились результативными инновационными кластерами примерно через 10–15 лет после основания.

Однако возможно, что превращения гадких утят в прекрасных лебедей придётся ждать ещё очень долго. Вспомним остроумное замечание российских экономистов А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, что на российском рынке «побеждают не те, кто умеет лучше бегать, а те, кто лучше бегают в мешках» [Бузгалин, Колганов, 2014]. Инновационные площадки — это пространство для обучения «лучше бегать» общепринятым способом, за счёт технологических инноваций. Но могут ли эти площадки вызвать у предпринимателей сильный интерес, когда есть другие, более общепринятые (в России) и менее рискованные способы «лучше бегать», именно «в мешках»?

Проблемы государственной администрации

Роль государства в «выращивании» российских инновационных площадок часто преуменьшают. По мнению Н. Н. Молчанова и А. Н. Молчанова, среднестатистический портрет отечественного технопарка таков:

- он создан при вузе, который является единственным учредителем;
- технопарк имеет ограниченный набор инфраструктур (аренда помещений; доступ к некоторым видам вузовского оборудования и интернет-ресурсам; помощь в оформлении прав интеллектуальной собственности и т. п.), чья ограниченность связана с небогатыми вузовскими финансами;
- отраслевая принадлежность технопарка жёстко связана с профилем вуза, причём наиболее успешны технопарки, ориентированные на информационные технологии (интернет-индустрию), поскольку они не требуют организации материалоемкого производства.

Такой «технопарк» является по существу (каким бы ни был его формальный статус) структурным подразделением вуза и помогает решать проблемы именно этого вуза, а не производственной отрасли и не региона [Молчанов, Молчанов, 2014: 42].

По нашему мнению, изображённая картина соответствует реалиям примерно десятилетней давности, когда первая волна «технопаркового движения» уже схлынула, а вторая (связанная со Сколково) ещё не началась. Современный (середины 2010-х гг.) типичный технопарк имеет уже существенно другие типичные признаки: он основан региональной администрацией и, соответственно, предназначен в первую очередь для решения её проблем — как престижно-имиджевых, так и связанных

с развитием «подвластной» территории. Поэтому оценка потенциалов и результатов российского «технопаркового движения» оказывается сильно зависимой от оценки в целом институто-строительной деятельности отечественного государства.

Для всех стран догоняющего развития типична двойственная роль государства в модернизации общества. С одной стороны, именно оно становится инициатором внедрения «сверху» многих инновационных институтов (свобода предпринимательства, банковская система, рынок ценных бумаг, профессиональная армия, университетская система образования, свобода миграции и др.), копирующих правила игры более передовых стран. Одним из таких институтов стали инновационные кластеры; специфика «копировального» процесса состоит в том, что объектом подражания является не только и не столько самая «образцовая» Кремниевая долина, сколько её более бледные подобию (типа индийского Бангалора). С другой стороны, государство стремится сохранить своё монопольное положение и отвергает попытки неокрепшего гражданского общества поставить деятельность государственных учреждений под реальный контроль со стороны граждан. Эти две противоречивые тенденции приводят к различным формам «государственного капитализма»: госадминистрации разных уровней стремятся помогать развитию бизнеса, но не любого, а «своего». К тому же претворением в жизнь программ стимулирования инноваций занимается государственный аппарат, в котором устойчиво воспроизводятся методы и технологии советской номенклатуры.

Таким образом, доминирующая и растущая роль госадминистраций в формировании инновационных площадок не может не вызывать противоречивых оценок. Это связано с тем, что отечественная бюрократия не всегда стремится технологическим инновациям помогать и далеко не всегда реально может помощь оказать, даже если стремится к этому. Актеры российского инновационного бизнеса многократно озвучивали типичную, судя по всему, в их кругу точку зрения, что «административные» технопарки — это проекты в основном имиджевые, если не коррупционные.

Примером умеренно-критической оценки роли государства в формировании инновационных площадок может быть мнение В. С. Фосса, одного из ведущих менеджеров крупной компьютерной компании «Утилекс»: «Пользу технопарков отрицать сложно. Но сегодня их влияние на общую картину развития ИТ-бизнеса крайне невелико, и кардинального изменения ситуации я не ожидаю. Российские технопарки — это такой же имиджевый госпроект, как Сочи-2014... Реализуясь на бюджетные средства, они строятся, развиваются, управляются и оцениваются бюрократическими, а не бизнес-методами» [цит. по: Плитман, 2013]. Более резкую оценку государственного «выращивания» инновационных кластеров давал предприниматель в области высоких технологий (и «попутно» видный оппозиционный политик) И. В. Пономарёв, который откровенно признавался: «Я с удовольствием все свои проекты обязательно посылаю в «Сколково», потому что это налоговые льготы и так далее, а глядишь, ещё и грант получишь. Вопрос: приду я в качестве инвестора в «Сколково»? Да чёрта с два!.. Люди, которые там находятся, ...

не понимают в инновациях и не отвечают за те деньги, которые они вкладывают» [Запись «золотой» лекции..., 2013]. В объективности конкретно этой экспертной оценки можно усомниться, поскольку ее автор близок к внесистемной оппозиции. С другой стороны, вскоре после этого заявления И. В. Пономарёв попал под следствие как раз за растрату сколковского «гранта», подтвердив тем самым «не очень» правильное использование «сколковских» финансов.

Итак, вряд ли есть основания сомневаться в том, что под вывеской финансирования инноватики в России (как, впрочем, и в других странах) государство часто финансирует что-то совсем иное: в лучшем случае – обычный («не очень» инновационный) бизнес, в худшем – бюрократов, которые «за очередью следят, без очереди берут». К сожалению, законы Паркинсона изрядно препятствуют реализации законов рынка, жёстко связывающих конкуренцию и инноватику.

Проблемы науки

Российская наука на протяжении всех трёх столетий своего развития поражала парадоксальным сочетанием хорошей теоретической базы и «не очень» хорошей практической реализацией научных открытий. Разрыв между теорией и практикой можно рассматривать как ещё одно проявление всё того же государственного патернализма. Со времён Петра I государство считает своим долгом финансировать университеты и научные организации (в первую очередь как символы модернизации), однако в результате огосударствует высшее образование и науку до такой степени, что их связь с производством развивается очень слабо.

Российский учёный традиционно склонен рассматривать себя как «слугу государства», даже если очень критически оценивает государственное управление. Это в полной мере относится не только к учёным-обществоведам, но и к учёным естественно-научных специальностей. Типичный российский учёный ориентирован скорее на модель Николы Теслы (талантливые идеи, неудачная практическая реализация, громкая слава, небогатая жизнь), чем на модель Томаса Эдисона (талантливые идеи, успешный бизнес, громкая слава, богатство). В результате, хотя в последнем (за 2015 г.) Международном инновационном рейтинге наша страна оказалась на четвёртом месте в мире по патентной активности, наши патенты слишком часто используются не внутри, а за пределами России.

В современной России (как, впрочем, и в СССР) система технологических инноваций сильна «на входе» и относительно слаба «на выходе». Наша страна традиционно тратит заметную долю ВВП на

исследования и разработки, однако значительная часть ассигнований идёт на содержание большого количества государственных исследовательских учреждений, по-прежнему слабо связанных как с системой подготовки кадров, так и с предпринимательской деятельностью. Коммерческие же организации вкладывают пока очень мало средств в науку, потому что их устраивают возможности экстенсивного роста, основанного больше на расширении рынка, чем на его интенсификации. Поэтому неудивительно, что большинство российских разработок патентуются в других странах и применяются зарубежным бизнесом, который часто более активно использует российские научные ресурсы, чем отечественные компании.

Главную проблему стимулирования инновационного высокотехнологического бизнеса в России, связанную со связкой «наука — производство», можно сформулировать так: отечественные инновационные площадки довольно часто стимулируют инновационные высокотехнологические разработки, но гораздо реже — инновационный высокотехнологический *бизнес*. Создаётся впечатление, что скорее наоборот, все эти бизнес-инкубаторы, технопарки и т. д. обеспечивают новаторам защиту от российской бизнес-среды путём *постоянной* льготной «подкормки»¹. Как показало исследование, проведённое в 2013 г. по заказу ОАО «РБК», для примерно 75% малых инновационных фирм, связанных с бизнес-инкубаторами, завершение пребывания в инкубаторе равносильно завершению их «жизни» (т. е. они прекращают свою деятельность либо во время пребывания в инкубаторе, либо вскоре после того как его покидают). Если в развитых странах рыночная конкуренция — это, по меткому выражению Ф. фон Хайека, «процедура открытия» [Хайек, 1989: 6–14], то в современной России она воспринимается скорее как «агрессивная среда», в которой фирма-инноватор выживает плохо. Возможно, дело в том, что наша рыночная конкуренция — не совсем конкуренция и часто совсем не рыночная (вспомним метафору про «бег в мешках»).

Для НИИ создание технопарков имеет малый смысл ещё и потому, что они по своей сути *уже* являются аналогами технопарков — имеют какой-никакой выход на практику. Поэтому создание на базе НИИ отдельного подразделения, носящего гордое название технопарка, как правило, — скорее дань моде, а не появление в рамках НИИ чего-то нового. Яркий пример — Технопарк ГУП Институт нефтехимпереработки Республики Башкортостан, который сначала был просто Институтом нефтехимпереработки, а затем, не меняя сути учреждения, добавил в своё название понятие «технопарк».

---

¹ «В настоящий момент понятие технопарка в РФ сведено к инновационному центру (бизнес-инкубатору для малых инновационных фирм). Более того, большинство подобного рода «технопарков» не являются даже классическими инновационными центрами (инновационные центры предполагают постоянное обновление резидентов — малых инновационных фирм, а в большинстве наших центров малая инновационная фирма рассчитывает на «пожизненное» пребывание в данной структуре)» [Молчанов, Молчанов, 2014: 41].

Проблемы вузов

Российские инновационные площадки изначально создавались в основном при вузах. Такое начало обнадёживало, ведь Кремниевая долина в 1950-е годы тоже начиналась с того, что администрация Стэнфордского университета сдавала инновационным фирмам университетские помещения в надежде убить двух зайцев — залатать дырки в университетских финансах и помочь трудоустроиться своим выпускникам. К сожалению, российский опыт оказался гораздо менее успешным, поскольку с самого начала вузы старались помочь скорее самим себе, чем своим выпускникам. В результате привузовские инновационные площадки помогали решать проблемы финансирования вузов и удержания преподавателей. С трудоустройством выпускников и с бизнес-инновациями получалось заметно хуже.

Прежде всего надо отметить своеобразную функцию вузов в постсоветской России — функцию производства не столько молодых специалистов, сколько молодых работников с дипломами [Латов, 2014: 211–219]. Это связано с тем, что наблюдается, с одной стороны, очень высокий престиж высшего образования, которое воспринимается как обязательный атрибут «нормальной жизни», а с другой стороны — весьма умеренный уровень фактических квалификационных требований к работникам многих массовых профессий (работники торговли, «офисный планктон»). В условиях развёртывания НТР высокотехнологическому бизнесу, безусловно, нужны в определённом количестве и настоящие специалисты, а не только «дисциплинированные девочки/мальчики с дипломами». Однако это поствузовское доучивание пока вполне удаётся реализовать за счёт систем дополнительного образования. В результате для современных российских вузов инновационные площадки — это в первую очередь возможность получить дополнительное финансирование (плюс, конечно, повысить свой престиж).

Установка на помощь вузу, а не выпускникам вуза, формирует минимализм требований к инновационным площадкам. Сайты технопарков при вузах зачастую не связаны с сайтами вузов-учредителей, имеют минимум информации, не дающей возможности судить о том, чем и в какой форме занимается данное подразделение. Нет информации о привлечении студентов к деятельности технопарков.

Таким образом, из идеи Кремниевой долины отечественными вузами воспринята в первую очередь только та её часть, которая связана с получением прибыли от аренды помещений, принадлежащих вузам. Зачастую то, что называется технопарком, на деле является совместно арендуемыми площадями. По сути же деятельность вуза и деятельность так называемых технопарков нередко слабо пересе-

каются. Поскольку вузы редко имеют современное сложное оборудование, то резидентами таких инновационных площадок часто становятся фирмы, не требующие специальных производственных помещений (например, работающие в области телекоммуникаций, информатики, вычислительной техники и т. п.).

Завершая обзор развития инновационных площадок, можно констатировать наличие в постсоветской России двух полярных типов:

- немногочисленные «нормальные» площадки, реально соединяющие науку, образование, бизнес и государственную поддержку инноватики;
- более многочисленные симулякры, которые используют модную организационную форму для решения текущих задач (рост имиджа администрации, финансирование групп работников науки и высшего образования) без сколько-нибудь существенного влияния на развитие инновационной национальной экономики.

Между этими крайностями есть, конечно, много промежуточных вариантов.

Старые проблемы российской инновационности в новой Стратегии национальной безопасности России

Противоречивые тенденции развития российской инноватики можно проследить по изменениям в официальном дискурсе, посвящённом национальной технологической безопасности.

Последним официальным документом, излагающим программные приоритеты стратегического управления развитием российского общества, стала принятая 31 декабря 2015 г. новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г.] (далее — Стратегия-2015). Она характеризуется, в частности, повышенным вниманием к технологическим инновациям. Это хорошо видно, если сравнить новую Стратегию с предыдущей — с утверждённой более шести лет назад, в мае 2009 г., «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г.] (далее — Стратегия-2009).

В обеих стратегиях проблемам инновационности посвящены подразделы «Наука, технологии и образование» в разделе IV «Обеспечение национальной безопасности». В новой Стратегии-2015 этот раздел даже чисто текстуально вырос в полтора раза. Самое главное, что в нём появились качественно новые положения, которые наиболее заметны в пункте 70, где в обеих Стратегиях провозглашались пути решения задач национальной безопасности в области науки, технологии и образования.

В Стратегии-2009 предлагалось заняться формированием «системы целевых фундаментальных и прикладных исследований и её государственной поддержки», а также созданием «сети федеральных университетов, национальных

исследовательских университетов». Вопросы внедрения инноваций в производство находились при этом где-то на заднем плане: указывалось на необходимость создавать условия для интеграции науки, образования и высокотехнологичной промышленности, но главный акцент делался скорее на подготовку кадров. Можно сказать, что, согласно Стратегии-2009, для развития России требовалось готовить гениальных учёных (т. е. обеспечить предложение инноваций), а практическое применение их гениальных разработок в российской экономике (т. е. наличие спроса на инновации) считалось само собой разумеющимся делом.

Стратегия-2015 отражает более глубокое понимание проблем инновационности. В ней речь идёт уже не просто о комплексном развитии научного потенциала, но о восстановлении «полного научно-производственного цикла — от фундаментальных научных исследований до внедрения достижений прикладной науки в производство». Далее в Стратегии-2015 появляется принципиально новая идея — указывается на необходимость развития «национальной инновационной системы», стимулирования и поддержки развития «рынка инноваций, наукоёмкой продукции». Если Стратегия-2009 требовала гениальных учёных (типа, скажем, Дмитрия Менделеева или Николы Теслы), то Стратегия-2015 — гениальных технократов, совмещающих научные открытия с бизнес-успехами (таких как, например, Альфред Нобель или Томас Эдисон). Чтобы подчеркнуть эту идею, в новой Стратегии специально указано, что необходимо не только «развитие перспективных высоких технологий (геновая инженерия, робототехника, биологические, информационные и коммуникационные, когнитивные технологии, нанотехнологии, природоподобные конвергентные технологии)», но и «развитие взаимодействия образовательных организаций и научно-исследовательских центров с промышленными предприятиями».

При обновлении Стратегии национальной безопасности, видимо, позитивно сказался опыт начавшегося в 2010 г. проекта Сколково, который не без оснований подвергают критике. С одной стороны, государственное финансирование было щедрым; в результате освоения выделенных средств начали не только строить новый наукоград, но и продуцировать первые научные разработки. С другой стороны, на развитие российского бизнеса всё это пока почти не влияет. В качестве «сколковских» достижений называют, например, программные разработки Rock Flow Dynamics (фирма вполне отечественная, несмотря на «заграничное» название) по моделированию и измерению нефтегазовых месторождений, которые были куплены крупной... увы, вовсе не российской, а американской нефтегазовой компанией. Отечественный бизнес, как показал опыт технопарков 2010-х гг. (не

только Сколково), не очень стремится пока ни финансировать инновационные научные разработки, ни внедрять их. Поэтому современной России больше нужны «Эдисоны», чем «Теслы».

Данная проблема — слабый спрос производителей на технологические инновации — является застарелой «язвой» России. В качестве иллюстрации можно сослаться хотя бы на слова известного политика и мыслителя царской России В. В. Шульгина, который столетие назад с горечью признавал, что поражения в Первой мировой войне, приведшие к революции, — это «приговор всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей. Мы не хотели и не могли быть “Эдисонами”, мы презирали материальную культуру. Гораздо веселее было создавать мировую литературу, трансцендентальный балет и анархические теории. Но за это пришла расплата...» [Шульгин, 1989: 123–124].

Угрозы технологической безопасности современной России

Для выработки действенных программ стимулирования в России технологической инноватики необходимо сначала понять причины того, почему россияне не хотят и/или не могут становиться «Эдисонами», предпринимателями-инноваторами.

В пункте 68 Стратегии-2015 дан длинный перечень факторов, которые негативно влияют на национальную безопасность в области науки, технологий и образования, т. е. на национальную технологическую безопасность. Он выглядит следующим образом:

1. Отставание в развитии высоких технологий.
2. Зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов.
3. Несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий.
4. Необоснованные односторонние санкции в отношении российских научных и образовательных организаций.
5. Недостаточное развитие нормативно-правовой базы.
6. Неэффективная система стимулирования деятельности в области науки, инноваций и промышленных технологий.
7. Снижение престижа профессий преподавателя и инженера.

8. Снижение уровня социальной защищённости работников инженерно-технического, профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава.

9. Снижение качества общего, среднего профессионального и высшего образования.

Практически все перечисленные факторы «перекочевали» (в несколько подредактированном виде) в Стратегию-2015 из Стратегии-2009. Этот длинный список производит не самое лучшее впечатление, поскольку в нём смешаны причины и следствия, непонятен принцип перечисления факторов торможения, а также, самое главное, упущены некоторые принципиально важные из них.

Первый названный фактор – «отставание в развитии высоких технологий» – это не фактор (причина), а характеристика современного состояния технологической безопасности. Разница между факторами и характеристиками состояния заключается в том, что негативный/позитивный характер отдельных факторов сам по себе не детерминирует негативного/позитивного состояния социального явления, поскольку отдельные факторы могут нейтрализовывать друг друга (например, снижение престижа инженерных профессий может парироваться ростом стимулирования/оплаты инженерного труда). Отставание же в развитии высоких технологий – это уже диагноз негативного состояния социального явления, оно совершенно равнозначно низкой технологической безопасности.

Зависимость от импортных поставок высокотехнологического оборудования – это тоже не столько фактор (причина), сколько следствие (форма проявления) низкой технологической безопасности. Это явление стало особенно заметно в последние годы, когда введённые в 2014 г. западные санкции против России привели к существенному ухудшению условий развития для некоторых ключевых отраслей отечественной экономики. Как известно, из-за запрета на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе, и сланцевой нефти планы долгосрочного сдвига центров нефтегазодобычи на север (на шельфы Северного Ледовитого океана) «повисли в воздухе». Вполне можно было в Стратегии-2015 выразить эту проблему более «остро» и указать, что низкая технологическая безопасность тормозит развитие ряда российских наукоёмких отраслей (помимо топливной энергетики также, например, космической отрасли).

Следующие перечисленные в Стратегии-2015 факторы, негативно влияющие на национальную технологическую безопасность, действительно являются причинами (детерминантами) этого явления. Их можно сгруппировать следующим образом:

1. Внешние факторы — это санкции в отношении российских научных и образовательных организаций и отчасти передача за рубеж отечественных технологий (поскольку эта «утечка технологий» осуществляется, надо полагать, под влиянием заинтересованных зарубежных акторов).

2. Внутренние факторы — это

2.1. Недостатки государственного регулирования, связанные с недостаточным развитием нормативно-правовой базы и отчасти с недостаточным контролем за трансфером технологий.

2.2. Недостатки в организации научной, инженерной и педагогической деятельности: неэффективное стимулирование этой деятельности, снижение их престижа и социальной защищенности.

2.3. Снижение качества образования.

Вызывает существенные сомнения первичность (в порядке перечисления) внешних факторов перед внутренними. Общеметодологическим принципом анализа любых социальных систем является признание первичности внутренних факторов над внешними («свалить извне можно только то, что сгнило изнутри»), а не наоборот. К тому же главной формой трансфера наших технологических ресурсов является, скорее, вполне легальная «утечка мозгов» (миграция за рубеж специалистов, не находящихся достойной занятости в своем отечестве), чем «несанкционированная передача конкурентоспособных технологий». Можно признать, однако, право правительства по конъюнктурным соображениям преувеличивать значение того, что нам из века в век «англичанка гадит». В конце концов, когда через несколько лет политическое напряжение спадёт, вполне можно будет технически подредактировать данный фрагмент, переставив местами — по степени объективной значимости — внешние и внутренние факторы.

Фактор 2.3, строго говоря, не самостоятелен — он есть следствие фактора 2.2 и мог бы быть объединён с ним воедино (по логической цепочке: недостатки в организации педагогического труда — низкая образованность — слабость научных и производственных кадров). Однако в целом, если не придирается к «мелочам», большое негативное значение «провалов» в организации научной деятельности подчёркнуто в Стратегии-2015 вполне справедливо.

Принципиально важно другое: в Стратегии-2015 не обозначены некоторые ключевые факторы низкой технологической безопасности, которые не менее важны, чем указанные в этом стратегическом документе.

Как указывалось ранее, внедрение технологических инноваций требует наличия не только предложения инноваций (изобретений / открытий / разработок учёных), но и спроса на инновации (желания производителей их внедрять). Проблема России, обнаружившаяся ещё во времена Ломоносова и Кулибина, заключается именно в том, что «хитрых разумом невтонов» она порождает достаточно регулярно, а вот желающих внедрить инновации в производство «почему-то» постоянно не хватало.

На необходимость восстанавливать полный научно-производственный цикл (от первичной теоретической идеи до массового производства) в Стратегии-2015 указано очень чётко, однако факторы, препятствующие формированию финальных (производственных) фаз этого цикла, связанных с производственным спросом на инновации, к сожалению, не указаны. В таком случае сохраняется высокая вероятность того, что самая отличная организация научной / инженерной / педагогической деятельности приведёт к развитию вовсе не «национальной инновационной системы», а к подпитке инновационных систем зарубежных стран посредством «утечки мозгов». За рубежом в некоторых научно-исследовательских коллективах и так уже переходят на русский язык — так много там мигрантов с постсоветского пространства.

Впрочем, в Стратегии-2015 можно увидеть намёк на один фактор, связанный именно со спросом на инновации, — это «недостаточное развитие нормативно-правовой базы». Скорее всего, разработчики имели в виду в первую очередь проблемы, связанные с защитой интеллектуальных прав собственности (т. е. прав изобретателей, разработчиков ноу-хау и т. д.). Однако здесь можно увидеть и указание на то, что в рамках существующей нормативно-правовой базы у предпринимателей мало нормативных стимулов (например, в сфере налогообложения) поддерживать рискованные и дорогостоящие инновационные разработки.

Таким образом, в Стратегии-2015 сделан важный шаг вперёд в понимании проблем российской технологической безопасности (идея восстановления «полного научно-производственного цикла»), но для решения этих проблем предстоит сделать ещё много других шагов.

Список литературы

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Реиндустриализация и/или приоритетное развитие креатосферы (к вопросу о целях социально-экономической стратегии) [Электронный ресурс] // Альтернативы. 22.01.2014. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/10219> (дата обращения: 10.05.2016).

Гохберг Л. М. Статистика науки. — М.: ТЕИС, 2003. — 478 с.

Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 256 с.

Запись «золотой» лекции Пономарева о «Сколково» [Электронный ресурс]. 19.04.2013 // Life News. URL: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/112973> (дата обращения: 27.04.2016).

Латов Ю. В. Симулякры знаний и образовательные неравенства в сфере андрагогического образования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2014. — № 2 (120). — С. 211–219.

Молчанов Н. Н., Молчанов А. Н. Технопарки — концепция «четвёртой спирали» // Инновации. — 2014. — № 7. — С. 39–46.

Плитман А. Технопарки: в ожидании инновационного прорыва [Электронный ресурс] // CRN/RE («ИТ-бизнес»). Регулярный выпуск № 14 (409). 9 октября 2013 г. URL: <http://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=84105> (дата обращения: на 10.05.2016).

Проблемы и решения: бизнес-инкубаторы и технопарки России. 2014. [Электронный ресурс] // ОАО «РВБК». URL: https://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201403_Business_incubators.pdf (дата обращения: 10.05.2016).

Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (дата обращения: 16.05.2016).

Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: <http://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 16.05.2016).

Хайек фон Ф. Конкуренция как процедура открытия // Международная экономика и международные отношения. — 1989. — № 12. — С. 6–14.

Шульгин В. В. Дни. 1920. Записки. — М.: Современник, 1989. — 560 с.

Дата поступления в редакцию: 25.08.2015.

Innovative Platforms of Russia – “Good and Various” (Structural Analysis) (Part II)

This article was prepared with the support of the RGNF. Project № 13-03-00015a «Continuous education and transfer knowledge based technologies: models of interaction between institutions of education and science and enterprises of real and financial sectors»

Latova Natalia Valer'evna

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: myshona@rambler.ru

Latov Iurii Valer'evich

Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation. Leningradsky pr., 49, 125993, GSP-3, Moscow, Russia. E-mail: latov@mail.ru

Abstract. This article completes the analysis started by the authors in the previous issue on the development of Russian innovation platforms (primarily industrial parks), which are expected to become “points of growth”, able to provide a decisive impetus to the entire national economy, similar to the famous Silicon Valley in the US. Considering the role of the four main actors of Russian innovation (business, public administration, science and higher education institutions), the authors conclude that this “quartet” still remains uncoordinated: each actor has its own interests, which are not always and “not quite” linked to stimulating technological innovation. The “Science, technology and education” section adopted in the December 2015 Russian Federation National Security Strategy is a clear expression of the contradictions of Russian technology policy. On the one hand, it rightly emphasizes the need to develop a “national innovation system”; on the other, its approach that is not quite correct is set out regarding the factors adversely affecting the national security process.

Keywords: sociology of innovation, technological innovation, innovative sites, parks, national economic security, national security, technological.

REFERENCES

Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Reindustrializacija i/ili prioritnoe razvitie kreatosfery (k voprosu o celjah social'no-jekonomicheskoy strategii)/ [Reindustrialization and/or the priority development of creatosphere (to the question about the goals of socio-economic strategy)]. [Elektronnyj resurs]. Al'ternativy. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/10219> (data obrashhenija: 10.05.2016). (In Russ.).

Gohberg L. M. Statistika nauki. [Statistics of science]. – M.: TEIS, 2003. – 478 s. (In Russ.).

Grjehjem L. Smozhet li Rossija konkurirovat'? Istorija innovacij v carskoj, sovetskoj i sovremennoj Rossii: per. s angl. [Will Russia be able to compete? The history of innovation in tsarist, Soviet and modern Russia]. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. – 256 s. (In Russ.).

Zapis' «zolotoj lekcii Ponomareva o «Skolkovo». 19.04.2013. [Record "the Golden lecture" on Ponomarev's SKOLKOVO]. [Elektronnyj resurs]. Life News URL: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/112973> (data obrashhenija: 27.04.2016). (In Russ.).

Latov Ju. V. Simuljakry znanij i obrazovatel'nye neravenstva v sfere andragogicheskogo obrazovanija. [The simulacra of knowledge and educational inequality in the sphere of providing andragogical education]. J. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. – 2014. – № 2 (120). – S. 211–219. (In Russ.).

Molchanov N. N., Molchanov A. N. Tehnoparki – koncepcija «chetvortoj spirali». [Technology parks – the concept of a "fourth helix"]. J. Innovacii. – 2014. – № 7. – S. 39–46. (In Russ.).

Plitman A. Tehnoparki: v ozhidanii innovacionnogo proryva. [Technology parks: innovation in anticipation of a breakthrough]. [Elektronnyj resurs]. CRN/RE («IT-biznes»). Reguljarnyj vypusk № 14 (409). 9 oktjabrja 2013 g. URL: <http://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=84105> (data obrashhenija: na 10.05.2016). (In Russ.).

Problemy i reshenija: biznes-inkubatory i tehnoparki Rossii. 2014. [Problems and solutions: business incubators and technoparks in Russia]. [Elektronnyj resurs]. OAO «RVK» URL: https://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201403_Business_incubators.pdf (data obrashhenija: 10.05.2016). (In Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda». [The decree of the President of the Russian Federation of 12 may 2009 № 537 "About strategy of national security of the Russian Federation until 2020"]. [Elektronnyj resurs]. Konsul'tantPljus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (data obrashhenija: 16.05.2016). (In Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrja 2015 g. № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». [The decree of the President of the Russian Federation from December 31, 2015 № 683 "About strategy of national security of the Russian Federation"]. [Elektronnyj resurs]. Garant. Informacionno-pravovoe obespechenie URL: <http://base.garant.ru/71296054/> (data obrashhenija: 16.05.2016). (In Russ.).

Hajek fon F. Konkurencija kak procedura otkrytija. J. Mezhdunarodnaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. – 1989. – № 12. – S. 6–14. (In Russ.).

Shul'gin V. V. Dni. 1920. Zapiski. – M.: Sovremennik, 1989. – 560 s. (In Russ.).

